В. В. Носков

Невеликая Французская революция

По поводу статьи Д. Ю. Бовыкина «Французская революция XVIII в. в школьных учебниках России» (Французский ежегодник 2014. М., 2014)[1]

Чтение этой, безусловно, интересной статьи вызывает противоречивые чувства. С одной стороны, автор подметил несколько очевидных ошибок, попавших на страницы школьных учебников, за что его можно только поблагодарить. С другой, манера и тональность, в которой Д. Ю. Бовыкин проводит свой анализ, далеко не во всем соответствует нормам профессиональной, да и чисто человеческой этики. Несколько ошибок подмечено им и в учебнике, написанном автором этих строк в соавторстве с Т. П. Андреевской, однако наш уважаемый критик не потрудился разобраться, кто именно их допустил, бросив тень на признанного специалиста в области методики преподавания истории. Ответственность за указанные им недостатки лежат исключительно на мне как на авторе основного текста учебника, Татьяна Павловна подготовила методический аппарат, что при желании было нетрудно установить. Профессиональные историки прекрасно знают, кто есть кто среди авторов учебников, менее профессиональные могут навести справки в интернете. Сами по себе утверждения типа

[1] Этот текст предназначался для публикации в «Вопросах истории», поскольку поднятые здесь вопросы представляют интерес для всей нашей профессиональной корпорации. Однако мой ответ на статью Д. Ю. Бовыкина не прошел московскую цензуру, поэтому был передан для публикации в журнал, свободный от цензурных ограничений.

> «В. В. Носков и Т. П. Андреевская пишут...» вызывают недоумение. Неужели Д. Ю. Бовыкин думает, что соавторы работают в четыре руки, сидя за одним компьютером?

Большие сомнения вызывает также склонность рецензента к групповому цитированию, когда он выдергивает цитату из одного конкретного учебника, но в ссылке на нее указывает еще несколько других, возводя таким образом напраслину на их авторов и вводя в заблуждение читателя. При этом рецензент не брезгует и элементарной подменой понятий, заменяя, например, упоминаемый мною «класс предпринимателей в целом» более удобными для него «предпринимателями-капиталистами» (с. 343). Понятие «капиталист» используется мною совершенно в другом контексте и вне связи с генезисом понятия «буржуазия». Попутно наш рецензент требует от авторов школьных учебников разъяснить ему, «где и когда именно проходит граница, за которой бюргер превращается в капиталиста». Было бы лучше, если бы Д. Ю. Бовыкин указал здесь источник, где содержится тот ясный и определенный ответ на этот вопрос, который он хочет услышать. Если тайна сия ведома ему самому, почему он не поделится ею со своими коллегами? На указанной здесь же странице нашего учебника отсутствует приписываемое нам утверждение, что во Французской революции победила «именно буржуазия». В связи с этим хотелось бы посоветовать рецензенту читать учебники полностью, а не выдергивать из них цитаты, весьма приблизительно соответствующие его критическому замыслу. Моя позиция относительно буржуазного характера революций раннего нового времени абсолютно четко выражена в соответствующих параграфах, посвященных всем этим революциям, начиная с Нидерландской и заканчивая Американской. Определение «буржуазная» с необходимыми оговорками употребляется только в связи с первой из них и во введении к разделу по истории XVIII в. Но оно не используется в параграфах, посвященным всем остальным революциям, включая Французскую.

В чем суть претензий рецензента по поводу «феодальных отношений» — совершенно непонятно, при этом, приводя их определение из другого учебника (какого — тоже неясно, с. 344), он снова подверстывает в сноске наш учебник, в котором ничего подобного не говорится. На следующей странице рецензент демонстрирует, что он явно не в ладах с элементарной логикой. В его утверждении, подкрепленном ссылкой на наш учебник, говорится, что в нем «подчеркнуто именно всевластие монарха», хотя в приведенной следом цитате нет подтверждения этому обвинению. Власть короля называется там «почти абсолютной», причем в тексте поясняется, в чем заключалось это «почти». Обратим внимание, что «почти» — это далеко не «всевластие». Об «абсолютной монархии» говорится не от имени автора учебника, а с использованием безличного глагола «называют». Но ведь ее действительно так называют, вне зависимости от того, существовал ли «абсолютизм» в реальной истории или нет. Понятие

«абсолютизм» вообще не используется на страницах нашего учебника, даже при характеристике правления Филиппа II в Испании. Кроме того, приведенный пример относится к эпохе Людовика XIV, поэтому остается непонятным, зачем рецензент использовал его, рассуждая о Французской революции.

На с. 346 рецензент сетует, что ему «очень сложно понять», какие причины Французской революции «действительно важны, а какие лишь дополняют общую картину». Частичное объяснение этой непонятливости, можно, очевидно, найти в том обстоятельстве, что ему не совсем ясен смысл самого понятия «причины», ибо они определяют ход исторических событий, а не «дополняют картину». Приводимая здесь же сноска снова оказывается не в тему, поскольку наш рецензент отсылает читателя к разделу «Франция накануне революции», в котором характеризуется обстановка в стране накануне великих потрясений, но об их причинах речь не ведется. Что касается численности депутатов Учредительного собрания 1789 г. (с. 349–350), то дело не в точных цифрах, а в их порядке. Приводимые авторами учебников цифры, действительно заимствованные из обобщающих работ по истории Французской революции, дают общее представление о численном составе Собрания, а запоминать их и в самом деле незачем.

Рецензент указывает на неточность, допущенную в нашем учебнике по поводу «Марсельезы», но остается верен себе, некорректно интерпретируя цитату (с. 350–351). Он привязывает мое (а не наше с Т. П. Андреевской) высказывание к июлю 1792 г., хотя в действительности в тексте говорится о событиях, происходивших после объявления войны Австрии с апреля по июль («В ходе этих событий...»). Песня действительно была написана в апреле 1792 г., но Руже де Лиль сочинил вовсе не «Марсельезу», а боевой марш Рейнской армии, который получил свое всемирно известное название уже после того, как марсельцы принесли его в Париж. Упомянув на с. 351 о Якобинском клубе, рецензент утверждает: «У В. В. Носкова и Т. П. Андреевской ни состав клуба, ни его политическая ориентация не проясняются». В данном случае он предусмотрительно избегает отсылки к учебнику, но если обратиться к его тексту, можно убедиться, что и это утверждение не совсем соответствует действительности.

Другой вопрос, что эти, как и многие другие, сюжеты освещаются не так подробно, как хотелось бы, но такого рода претензии рецензент предъявляет не по адресу. Взявшись обсуждать школьные учебники, он в каждой строке своего сочинения демонстрирует полное непонимание жанра и незнание технологии их написания. Обвинять авторов учебников в том, что они не рассказали о том-то или о сем-то, совершенно бессмысленно, поскольку они по рукам и ногам связаны объемом учебника, его структурой и подробно расписанным стандартом школьного исторического образования, а также требованиями издательских редакторов, методистов и учителей писать как можно проще и короче, не вдаваясь в подробности. Каждый же критик требует, чтобы для него подробно расписали именно то, что интересно лично ему, не считаясь ни с об-

щим замыслом учебника, ни с другими вполне реальными ограничителями. Не совсем честно также обвинение авторов в использовании эпитета «Великая» при характеристике Французской революции, ведь они были вынуждены руководствоваться образовательными стандартами, действовавшими на момент написания учебников. Как только Французская революция утратила свое «величие» в директивных документах, архаичная формулировка стала исчезать и из школьных учебников. Она отсутствует, в частности, и в рукописи нового издания нашего учебника. Критикуя издавна утвердившееся в отечественной историографии название революции, наш рецензент проявляет наивную непоследовательность, продолжая использовать для ее обозначения марксистскую формулировку «Французская революция XVIII в.». Зарубежная историография никогда не использовала указание на век для маркировки революции, называя ее просто Французской (*Revolution française*, *French Revolution*). Поэтому совет опираться и на «отечественную, и зарубежную историографию» наш рецензент должен адресовать в первую очередь самому себе. Дело в том, что Французская революция была единственной и неповторимой в истории. Революции, происходившие во Франции на протяжении XIX в., имели свои индивидуальные названия, поэтому перепутать их невозможно.

Смысл некоторых претензий рецензента остается неясным, поскольку, приводя в критическом контексте цитаты из учебников, он не поясняет, что именно его не устраивает и как нужно трактовать те или иные вопросы. На с. 354 наш рецензент утверждает, что В. В. Носков и Т. П. Андреевская лично переименовали картину «Осада Лиона» в «Разрушение Лиона». Интересно, инкриминируется ли нам предварительный сговор или только добросовестное заблуждение? Неужели столь большой специалист по школьным учебникам не подозревает, что иллюстрации к ним подбирают отнюдь не авторы текста? Не таким простым, как представляется рецензенту, оказывается и вопрос о Конституции 1795 г. (с. 355). Всеобщего избирательного права в современном смысле слова во Франции тогда действительно не существовало. Но предыдущая Конституция 1793 г. провозгласила его в понятиях своего времени: как всеобщее избирательное право для мужчин начиная с 21 года. Именно поэтому творцам термидорианской конституции пришлось вводить некоторые цензовые ограничения для избирателей. Что касается нуворишей, то в учебнике дается не прямая цитата из соответствующей статьи Конституции, в которой это обиходное понятие не могло употребляться, а излагается ее смысл. Сама же статья гласила: «Французский народ равным образом провозглашает как гарантию общественного доверия, что после легального отчуждения национальных имуществ, каково бы ни было их происхождение, законный покупщик не может быть лишен этого имущества».

Очень забавно, что из всех авторов школьных учебников высокого звания «профессиональных историков» наш рецензент удостаивает только двоих — своих действительно авторитетных московских коллег, О. В. Дмитриеву

и А. В. Ревякина. Как говорится, без комментариев... Интересно только, какими критериями руководствовался при этом доцент Бовыкин? И достаточно ли хорошо он знает современную историографию, чтобы брать на себя роль верховного арбитра и ранжировать своих коллег по степени профессионализма? Может быть, не только авторам учебников, но и их критику необходимо вспомнить, что «ведь есть статьи, монографии». Криком души звучит призыв рецензента использовать при написании школьных учебников «вузовские учебники, наконец». В связи с этим возникает другой вопрос: а достаточно ли хорошо он знаком с содержанием современных вузовских учебников и какие именно из них он предлагает взять за образец? К сожалению, вузовские учебники отличаются от школьных только объемом, но не точностью содержания. В заключение хотелось бы пожелать нашему рецензенту вдохновлять авторов учебников не только критикой, но и личным примером, и собственными трудами показать, как можно избежать всех отмеченных им недостатков. Однако с тем опытом участия в написании обобщающих трудов во всемирной истории, который имеется у нашего рецензента, ему стоило бы вести себя несколько скромнее. Подводя итоги, можно заключить, что невнимательное прочтение учебников, некорректное цитирование, недобросовестная интерпретация их содержания, недостаточная компетентность рецензента в отдельных вопросах и маловразумительная формулировка им собственной позиции привели к тому, что благой изначально замысел воплотился в жизнь не самым удачным образом. А за указания на имеющиеся ошибки — большое ему спасибо.

P. S. Хотелось бы знать, как оценивают статью Д. Ю. Бовыкина авторы других учебников? Думаю, что их мнение было бы интересно многим читателям журнала.

Аннотации

А. А. Андреев. Российско-хивинские отношения в конце XVII — начале XVIII в. Декларативная «шерть» или реальное подданство?

Данная статья посвящена нескольким посольствам из Хивинского ханства в Россию в конце XVII —начале XVIII в., в частности наиболее важному из них — посольству Достекбека Бехадура. Прибыв изначально ко двору главы Приказа Казанского дворца и доставив грамоту от хивинского правителя Шах-Нияза, он тем самым обозначил множество вопросов, которые по сей день имеют дискуссионный характер. В статье была предпринята попытка перевести оригинал грамоты на русский язык. При повторном переводе не совпадают пункты с первоначальном переводом в Посольском приказе. Дополнительные пять пунктов вызывают сомнение относительно желания хивинского ханства вступить в вассальную зависимость от России. При этом некоторые формулировки обращения от хана позволяют говорить о так называемом «союзе и шерти», принятом среди представителей династии джучидов, т.е. всех тех, кто в той или иной степени имел родство с Джучи-ханом, сыном Чингис-хана, таковыми являлись и хивинские ханы. Сравнивая подобные вассальные отношения «союза и шерти» Крымского ханства с Османской империей с «подданством» хивинского ханства, мы видим со стороны последнего в лучшем случае декларацию о намерениях, нежели действительно классический вариант подчинения сюзерену, принятого в странах Ближнего Востока и Средней Азии, о чем ярко свидетельствуют последовавшие далее трагические события, связанные в частности с гибелью миссии Александра Бековича Черкасского.

Ключевые слова: Россия, Хивинское ханство, миссия Александра Черкасского, Средняя Азия, международные отношения.

Е. А. Андреева. Хендрик Крюйс, магазин «Ява» и голландские плитки во дворце Меншикова

Статья рассказывает о выходце из голландской деревни Фризенвейн Хендрике Крюйсе, семья которого, начиная с прадеда, вела торговые дела в Петербурге. Хендрик прибыл на берега Невы в 16 лет, долго работал в фирме родственников, а потом основал собственную фирму «Ява». Хендрик Крюйс знаменит тем, что познакомил россиян с какао, объездил всю Россию и все основные события своей жизни тщательно фиксировал в дневнике. Именно фирма Хендрика Крюйса, торговавшего помимо какао, кофе и чая еще знаменитыми голландскими фаянсовыми изделиями, получила заказ Первого Кадетского корпуса на поставку расписных фаянсовых плиток для реставрации исторических помещений — «комнат Меншикова». В настоящем исследовании подробно излагается история заказа, доставки и отделки помещений этими плитками. Кроме того, повествуется о том, что из себя представлял этот отделочный материал, дается его история, говорится, когда он появился в России и в частности во дворце Меншикова, ставшем позднее Кадетским корпусом. Дается анализ голландских плиток, которыми отделаны помещения дворца Меншикова. Кроме того, в статье подробно изучается вопрос о том, какие мануфактуры могли выполнить заказ плиток для Кадетского корпуса и приводятся доказательства того, что сделанный ранее в литературе вывод о том, что эти плитки были сделаны в Харлингене на мануфактуре Tjallingii, не имеет под собой доказательной базы.

Ключевые слова: Хендрик Крюйс, дворец Меншикова, Петербург, реставрация, торговля, фаянс.

Т. В. Андреева. Николай I и финляндский вопрос. 1830–1831 гг.

Статья посвящена анализу ситуации, сложившейся вокруг финляндского вопроса в 1830–1831 гг. Основное внимание уделено выявлению социально-политических причин, изучению событий европейской жизни и явлений истории Великого княжества Финляндского, которые повлекли актуализацию финляндской политики самодержавия в начале 1830-х гг. В центре — вопрос о том, какими мотивами руководствовался Николай I, в столь сложный для России момент обращая особое внимание на Финляндию. В статье продемонстрировано, что европейские потрясения 1830 г. и развернувшаяся в связи с ними «информационная война» заставили верховную власть выдвинуть на первый план задачи охранения основ существующей имперской системы. Изучена практика контрпропагандистского противодействия идейной интервенции Запада и показаны механизмы целевого воздействия на общественное мнение Европы и Финляндии. В качестве основного источника использована

«Статья о Финляндии 1831 г. с поправками Николая I», созданная по инициативе императора и прошедшая высочайшую цензуру, в которой нашли отражение процессы формирования идеологического противостояния Западу.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, Российская империя, Николай I, Р. Х. Ребиндер, А. А. Закревский, А. Х. Бенкендорф, революции во Франции и Бельгии, Польское восстание, лейб-гвардии Финский стрелковый батальон, А. Рамзай.

И. Е. Барыкина. Из записок графа Д. Н. Толстого: особенности государственного управления 1820-х — 1860-х гг.

Статья посвящена ключевым моментам внутренней политики Российской империи второй и третьей четверти XIX в., представленным в записках графа Д. Н. Толстого. Он был типичным чиновником царствования Николая I, однако пик его служебной карьеры пришелся на период активного законотворчества царствования Александра II. Государственная деятельность Д. Н. Толстого была связана с Комиссией прошений, службой в Царстве Польском и Прибалтийском крае, управлением центральными губерниями и, наконец, Министерством внутренних дел. Его поприщем стала административная деятельность. Д. Н. Толстой принадлежал к поколению непрофессиональных бюрократов, которое опытным путем постигало сложности государственной службы. По своим взглядам он был классическим консерватором, неохотно принимавшим либеральные преобразования 1860-х гг. Тем не менее ему пришлось принять участие в разработке полицейской реформы 1862 г. Толстой входил в число близких сотрудников П. А. Валуева, министр делился с ним мыслями о программе действий и привлекал к выполнению ответственных поручений. Д. Н. Толстой неоднократно принимался за написание мемуаров, но они остались в виде разрозненных записок, опубликованных журналом «Русский архив». В поле зрения историков оказался один из фрагментов записок, однако все воспоминания Толстого заслуживают внимания. Эти записки не только отражают мировоззрение представителя родовитого поместного дворянства, но и воссоздают работу центральных органов власти и местной администрации в период разработки и осуществления великих реформ. В исторической памяти фигура Д. Н. Толстого оказалась в тени его племянника Д. А. Толстого, на формирование взглядов и чиновничью карьеру которого он оказал большое влияние.

Ключевые слова: внутренняя политика, самодержавие, государственное управление, правительственный конституционализм, реформы, Российская империя, Министерство внутренних дел, бюрократия, мемуары, губернаторы, конфессиональная политика, полиция исполнительная.

Ю. Н. Беспятых. О терминах «дворяне» и «шляхта» в России при Петре I (К полемике по поводу грамотности и происхождения А. Д. Меншикова)

По словам главного редактора издательства «Большая Российская энциклопедия» С. Л. Кравца, ошибка, вкравшаяся в энциклопедию, повторяется в других научно-справочных и прочих публикациях, материалах СМИ 70 тыс. раз. Автор настоящей статьи, предположив, что неточности, допущенные в многотиражном научно-популярном журнале, тоже с неизбежностью вселяют ложное знание в умы многих читателей, возобновил полемику о грамотности и происхождении А. Д. Меншикова — выдающегося государственного и военного деятеля, ближайшего сотрудника Петра I. Речь главным образом идет об утверждениях профессора Н. И. Павленко применительно к самому концу XVII в., обнародованных в журнале «Наука и жизнь»: «Напомню, прежде всего: тогда дворянином называли человека, служившего при царском дворе. Иначе говоря, слово "дворянин" имело совсем иное значение, чем то, которое оно приобрело позже. При Петре дворян в современном понимании слова называли шляхтой». В статье обоснована ошибочность этих тезисов и показано, что они, судя по прежним трудам Н. И. Павленко, противоречат его собственным убеждениям. Установлена, далее, несостоятельность аргументов, выдвигаемых профессором в защиту положений о полной неграмотности А. Д. Меншикова.

Ключевые слова: источниковедение, А. Д. Меншиков, Петр I, дворянство, шляхта, грамотность, Н. И. Павленко.

Д. В. Веденеев. Инспиратор церковных расколов 1920-х — начала 1930-х гг. на Украине (страницы биографии чекиста Сергея Карина-Даниленко)

В статье на основе ранее засекреченных документов советских органов государственной безопасности освещаются организация, формы и методы деятельности Государственного политического управления (ГПУ) Украинской ССР, направленной на притеснения и преследование церкви путем внесения искусственных расколов и нестроений. Исследуется роль в этом процессе ведущего сотрудника, затем — руководителя «антирелигиозного» подразделения Секретно-политического управления ГПУ УССР С. Карина-Даниленко. Рассматривается состояние основных религиозных конфессий в Советской Украине в 1920-х — начале 1930-х гг. Исследуется комплекс оперативных методов, применявшийся органами ГПУ для разложения конфессиональной среды республики. Освещается стратегия агентурно-оперативного подрыва (раскола)

православия Украины. В частности, говорится о главном инструменте спецслужб — инспирировании многочисленных церковных расколов, нестроений и простого стравливания иерархов Российской Православной церкви (РПЦ) и «обновленчества», противопоставлении канонической РПЦ Украинской автокефальной церкви.

Успехи С. Карина-Даниленко по «церковной линии» были обусловлены сочетанием личных профессиональных и морально-психологических качеств. Современники и коллеги отмечали его эрудицию, работоспособность, артистичность, коммуникабельность, готовность к оперативному риску и творческому подходу, прекрасное знание религиозной среды и ее деятелей. Автор приходит к выводу о том, что результативность агентурно-оперативных мероприятий обеспечивалась тем, что за результативным оперработником стояли мощь авторитарного, агрессивно-атеистического государства, применявшего массовые физические репрессии против священнослужителей и «церковников» (твердо верующих мирян), обширные возможности спецслужбы с ее тотальным осведомлением и вездесущим агентурным аппаратом, быстро накапливавшей опыт оперативной разработки религиозной среды в свете политических директив и идеологической доктрины компартийной верхушки.

Ключевые слова: Православная Церковь, преследование религии в СССР, церковные расколы, политические репрессии, органы государственной безопасности СССР.

В. А. Веременко. Религиозное воспитание детей в дворянских семьях России во второй половине XIX — начале XX в.

В статье анализируются особенности религиозного воспитания детей в христианских дворянских семьях России в пореформенный период. Несмотря на проявляемый в современной исторической науке интерес к проблемам истории детства, данная тема до сих пор не становилась предметом самостоятельного научно-исторического исследования. Автор обращает внимание на деятельность родителей, воспитателей и прислуги по ознакомлению детей с христианской обрядностью, усвоению ими церковного календаря, знаний молитв и текстов Св. Писания. Исследуются возможности по приобщению детей к догматической и эмоционально-духовной сторонам вероучения. Особое внимание уделяется практике соблюдения в дворянских семьях постов, вопросам организации и характера проведения религиозных праздников, знанию детьми молитв, а также проблеме посещения храмов юными дворянами и дворянками. В статье показано, что религиозное воспитание в семьях российских дворян во второй половине XIX — начале XX в. либо вообще не занимало воспитателей, являясь лишь одной, и при этом далеко не главной составной частью

процесса подготовки дворянских детей к школе, либо носило весьма формальный, внешний характер. Отмечено, что значительно бóльшую, чем родители, роль в эмоционально-нравственной стороне веры играли прислуга и воспитатели (наставники). В результате накануне поступления в школу большинство детей российских дворян были своего рода «стихийно верующими», со следующими присущими им характеристиками — наличием веры в сверхъестественное; опытом (в большинстве случаев) посещения церкви и участия, или хотя бы наблюдения, за молитвенной практикой; знанием, но при очень выборочном соблюдении, религиозного календаря; высокой информированностью о содержании Библии, но при отношении к этому содержанию как к учебному предмету.

Ключевые слова: пореформенная Россия, религиозное воспитание, дворянская семья, церковь, родители, воспитатели, дети, молитва, обряд, пост, христианские праздники.

А. В. Ганин. «Старый Генштаб… по-прежнему крайне отрицательно относится к нам». Новые документы о борьбе выпускников ускоренных курсов Николаевской военной академии за свои права в Красной армии

В статье публикуются новые документы о корпоративизме выпускников ускоренных курсов Николаевской военной академии из фондов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Документы представляют несомненный интерес как с точки зрения истории корпоративной борьбы курсовиков, так и в отношении истории Красной армии и ее командного состава. Отход от прежней жесткой субординации, предопределявшейся упраздненными чинами, проникновение курсовиков на высокие посты в Красной армии укрепили корпоративный дух выпускников курсов и подготовили почву для их коллективной борьбы за свое положение в новой армии. В личном фонде выпускника ускоренных курсов 2-й очереди Военной академии, бывшего штабс-капитана В. М. Цейтлина из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге сохранились ценнейшие документальные свидетельства о борьбе выпускников курсов за свои права. Цейтлин был одним из активистов выпуска, поэтому бывшие однокашники направляли ему такого рода документы. Открытые коллективные письма военспецов с критикой порядков РККА вполне характеризуют атмосферу той эпохи, изменившей представления о границах возможного даже у кадровых боевых офицеров, какими были молодые выпускники курсов академии. Однако попытки курсовиков давить коллективным мнением не только на бывших офицеров, но и на большевистское руководство закончились для подписантов коллективных петиций плачевно. В 1919 г. целая группа

курсовиков подверглась арестам. Новые проявления корпоративной солидарности военспецов прослеживаются уже по окончании широкомасштабной Гражданской войны.

Ключевые слова: Николаевская военная академия, ускоренные курсы, Генштаб, корпоративизм.

А. Е. Карначёв. *РНБ греч. 113*: перевод сочинений Арнальдо де Вилланова на греческий язык, выполненный на латинском Востоке в XIV столетии

Статья посвящена рассмотрению кодикологических особенностей единственного списка перевода религиозно-мистических сочинений каталонского медика Арнольда из Виллановы (ок. 1240–1311) на греческий язык, хранящегося ныне в Российской национальной библиотеке. Обилие западноевропейских черт в оформлении рукописи, а также присутствие на ее полях латинских глосс, отражающих процесс сличения текста перевода с оригиналом, и греческих вставок в тексте, выполненных негреческой рукой, заставляет предположить происхождение рукописи из латинского скриптория. Делается попытка локализовать список в регионе, подчиненном влиянию латинских королевств Востока XIII–XIV вв.

Ключевые слова: палеография, кодикология, текстология, средневековый перевод, глоссы, маргиналии, Арнольд из Виллановы, мистицизм, Анджело Кларено, миноритыы, иоахимиты, бегины.

Н. М. Корнева, М. Ю. Крапивин. Следственное дело сотрудников Ленинградского центрального исторического архива (март–август 1929 г.)

Согласно Декрету от 1 июня 1918 г., архивы высших и центральных учреждений и ведомств Российской империи образовали Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ). Архив Святейшего Правительствующего Синода Русской церкви вошел в состав 2-го Петроградского отделения IV секции (с 1923 г. — Историко-культурной секции) ЕГАФ. Управляющим 2-го отделения был назначен К. Я. Здравомыслов, его помощником — Н. В. Туберозов. В мае 1925 г. на базе местных отделений секций ЕГАФ был образован Ленинградский центральный исторический архив (с 23 марта 1929 г. — Ленинградское отделение Центрального исторического архива РСФСР).

В начале 1929 г. в органы правопорядка поступает информация, что бывший Синодальный архив разворовывается, а украденные материалы продаются частным лицам и организациям. Расследование уголовных обвинений в адрес

сотрудников весной 1929 г. было поручено органам ОГПУ. Многие эпизоды в ходе следствия документального подтверждения не нашли. Тем не менее персональная ответственность за пропажу части документов была возложена на руководителей бывшего архива Синода. Сознательное приведение Синодального архива в «хаотичное» состояние создавало, по мнению чекистов, благоприятные условия для хищений.

Вместе с тем в тексте обвинительного заключения органы ОГПУ делали акцент на политических аспектах обвинения в адрес сотрудников архива (саботаж и вредительство). Следствие сочло доказанным, что Здравомыслов и Туберозов использовали свое должностное положение во вред советской власти, всемерно препятствуя борьбе пролетарского государства с церковными структурами за освобождение трудящихся от религиозного влияния. В соответствии со статьей 58–10 Уголовного кодекса 20 ноября 1929 г. Здравомыслов и Туберозов были лишены права проживания в пяти крупнейших городах СССР (Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Одессе) сроком на три года. В статье излагаются подробности уголовного дела сотрудников Ленинградского центрального исторического архива (март–август 1929 г.).

Ключевые слова: Архив Святейшего Правительствующего Синода Русской церкви; Ленинградский центральный исторический архив; хищение архивных документов с последующей продажей украденного частным лицам и организациям, политические обвинения сотрудников архива (саботаж и вредительство).

А. А. Непомнящий. Академик Крачковский и крымоведение 20-х гг. XX в.: две малоизвестные командировки

На основе архивных документов личного фонда Игнатия Крачковского из Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (писем, отчетов, дневников) и документов Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае восстановлены научные контакты известного ориенталиста с крымскими учеными-историками, крупными музейными работниками О.-Н. А. Акчокраклы, У. А. Боданинским, С. Б. Ефетовым, И. Н. Лемановым, А. И. Маркевичем, П. Я. Чепуриной, Б. В. Чобанзаде, Н. Л. Эрнстом и др. Первая поездка Крачковского в Крым в 1924 г. была предпринята по приглашению Крымского университета им. товарища М. В. Фрунзе. Больше, чем чтение лекций на Восточном отделении провинциального вуза, Крачковского интересовали арабские рукописи, сохранившиеся в крымских книжных, музейных и частных собраниях. Академик предпринял изучение рукописей в фондах Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае и караимской библиотеки Карай-

битиклиги в Евпатории. Рассматривается версия о том, что перевоз этого уникального книжного собрания из Евпатории в Ленинград санкционировал И. Ю. Крачковский. Вторая командировка в 1929 г. была санкционирована Академией наук СССР. Основное внимание академика привлекли надписи, выявленные в результате раскопок 20-х гг. XX в. в Старом Крыму. Найденные там памятники поместили в специально созданное хранилище, где образовалось более сотни экспонатов, которые изучались. Сложившиеся в ходе поездок научные и личные контакты оказали заметное влияние на дальнейшее развитие крымоведения.

Ключевые слова: И. Ю. Крачковский, У. А. Боданинский, А. И. Маркевич, крымоведение, востоковедение, Крымский университет, караимы, крымские татары.

Лайла Нордквист. Несколько челобитных из Новгородского оккупационного архива

В 1611–1617 гг. Новгород и прилегающие территории находились под шведской оккупацией, но управление осуществлялось как шведским военачальником Якобом Делагарди, так и русским воеводой Иваном Никитичем Большим Одоевским. Отложившиеся в Государственном архиве Швеции документы так называемого Новгородского оккупационного архива состоят примерно из 30 000 страниц и разделены на две серии. Серия I состоит из 143 книг или тетрадей (около 23 000 страниц); серия II — из 368 свитков — столбцов разной длины (около 7000 страниц). После заключения в 1617 г. Столбовского мирного договора архивы были вывезены в Швецию.

На протяжении лет оккупации властям были поданы несколько сот челобитных от отдельных лиц и групп лиц. В данном случае публикуется двенадцать челобитных. Они отражают характер взаимоотношений граждан и власти. Челобитные служили средством коммуникации между частными лицами и государственными институтами. Они имели довольно жестко фиксированную структуру, формат, учитывали как политические реалии, так и язык канцелярии, отражали сложную обстановку в городе. Челобитные хотя и были написаны в традиционном русском формате, однако авторы в них не обращались к русскому царю, они адресовали свои обращения королю Швеции или младшему брату короля Густава II Адольфа Карлу Филиппу.

Ключевые слова: Якоб Делагарди, архивы, повседневная жизнь, дьяк, Столбовский мирный договор, Смутное время, челобитные.

А. П. Павлов. Из истории родового княжеского землевладения в XVII в. (судьба родовых вотчин князей Ростовских)

Статья посвящена изучению эволюции родового землевладения князей Ростовских в первой половине XVII в. Автор показал, что серьезный урон родовому землевладению князей Ростовских был нанесен в годы опричнины Ивана Грозного. К концу XVI в. они владели лишь незначительными остатками родовых вотчин в Ростовском уезде. В первой половине XVII в. князья Ростовские старались сохранить и вернуть родовые вотчины в Ростовском уезде. Однако вернуть утраченные в годы опричнины родовые вотчины было непросто. Со времени опричных конфискаций княжеских вотчин (1565 г.) до начала царствования Михаила Федоровича Романова прошло более 40 лет, и по закону потомки утрачивали права на их возвращение. В первый год царствования Михаила Романова (в 1613 г.) князьям Владимиру Ивановичу и Петру Владимировичу Бахтеяровым-Ростовским была пожалована бывшая родовая вотчина князей Бахтеяровых в Ростовском уезде, но они получили ее в качестве особого государева пожалования за особые заслуги. С другой стороны, попытки князя Михаила Михайловича Темкина-Ростовского вернуть утраченную в опричнину родовую вотчину князей Темкиных были признаны незаконными. Автор пришел к выводу о том, что к середине XVII в. после неудачной попытки князей Темкиных-Ростовских вернуть себе часть бывших родовых вотчин и после перехода вотчин князей Бахтеяровых-Ростовских и Приимковых-Ростовских в руки представителей других родов родовое вотчинное землевладение князей Ростовского дома в Ростовском уезде полностью прекратило свое существование.

Ключевые слова: землевладение, князья Ростовские, вотчина, родовые земли, опричнина, писцовые книги, акты, село, деревня, право наследования, право выкупа.

И. С. Ратьковский. Белые репрессии в Оренбуржье в период Гражданской войны в России в 1917–1919 гг.

В статье раскрываются особенности белых репрессий в период Гражданской войны на территориях оренбургского казачьего войска. Показывается роль в этих репрессиях оренбургского атамана генерала А. И. Дутова, который часто бравировал своим личным участием в них. Статья приводит свидетельства взаимосвязи белого террора и военных действий. Особенностью белого террора на оренбургских территориях также являлись репрессии против красного казачества, а также дисциплинарные репрессии, хотя в основном они затронули городские слои населения. Сами репрессии в регионе носили массовый характер и сыграли свою роль в поражении Белого движения в регионе.

Ключевые слова: А. И. Дутов, Гражданская война в России, смертная казнь, белый террор, Оренбург, Оренбургское казачье войско.

А. И. Рупасов. «В кругах германского правительства статья вызвала переполох». Дело Кайсарова–Шварсалона, 1932 г.

Политическое руководство Советского Союза в 1920–1930-х гг. было постоянно озабочено контролем над публикациями по внешнеполитическим проблемам в средствах массовой информации. Дефицит квалифицированных журналистских кадров, стремление политического руководства скрыть истинные цели внешнеполитических акций и собственную нерешительность или слабость, а также отказ предоставить народному комиссариату иностранных дел реальные возможности для предварительной цензуры статей по международным проблемам создавали почву для появления в печати материалов, не совпадающих по своему содержанию с официальной позицией. Случаев появления таких статей было довольно много. Попытки народного комиссариата иностранных дел исправить ситуацию оказывались неудачны. Однако именно публикация статьи «Военная мощь Германии» в одной ленинградской газете в августе 1932 г. повлекла исключительно резкую реакцию Политбюро ЦК ВКП(б). Появление статьи в тот момент было неуместным, так как именно тогда советское руководство пыталось противостоять наметившимся изменениям в политике кабинета Франца фон Папена. Главными виновниками публикации статьи были признаны инженер Кайсаров и исполнявший обязанности заведующего отделом иностранной информации в «Вечерней красной газете» Шварсалон. В результате следствия, которое было проведено в Ленинграде Государственным политическим управлением, в большинстве советских печатных изданий были либо закрыты отделы международной информации, либо резко сокращено количество сотрудников.

Ключевые слова: Германия, СССР, Франция, Кайсаров, Шварсалон, ОГПУ, Политбюро ЦК ВКП(б), международные отношения.

И. В. Савицкий. К биографии Сергея Николаевича Казнакова

Статья посвящена творческой деятельности чиновника Министерства иностранных дел Российской империи, шталмейстера Императорского Двора Сергея Казнакова (1863–1930) — историка, генеалога и искусствоведа. Материал основан на фондах четырех архивов Санкт-Петербурга — Российского государственного исторического архива, Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом), Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (РАН) и Санкт-Петербургского филиала архива РАН.

Цель данной статьи — анализ отдельных аспектов жизни С. Н. Казнакова и его творчества как типичного представителя группы историков-любителей,

не сделавших историю своей официальной профессией. Это не мешало им стать собирателями данных об эпохе, которую пришлось создавать против своей воли.

В статье дан обзор научной деятельности С. Н. Казнакова, анализ его общественных связей и сохранившегося архивного наследия. Отдельное внимание уделено приспособлению ученого к условиям жизни после революции 1917 г. и его отношению к большевизму.

Ключевые слова: Сергей Казнаков, революция 1917 г., генеалогия, Григорий Распутин, эмиграция, историк, архивоведение.

А. Н. Чистиков. ЛОИИ и Великая Отечественная война

Данная публикация посвящена истории Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук в годы Великой Отечественной войны и представляет собой часть обширной справки по истории института с 1936 по 1984 г., подготовленной сотрудником института Д. И. Петрикеевым и хранящейся в его личном фонде Научно-исторического архива СПбИИ РАН. На основе архивных материалов автор показал активную работу, которую вели сотрудники института в осажденном Ленинграде и в эвакуации, в частности в Казани и Ташкенте. Справка содержит ранее не публиковавшийся отчет академика Е. В. Тарле о его работе в 1942 г. Публикация снабжена комментарием, содержащим подробные биографические данные обо всех лицах, упоминающихся в справке.

Ключевые слова: история СССР, Великая Отечественная война, блокада, Ленинград, Казань, Ташкент, ЛОИИ АН СССР, Д. И. Петрикеев, биографии сотрудников ЛОИИ СССР АН СССР, Научно-исторический архив СПбИИ РАН.

М. В. Шкаровский. Русский Свято-Пантелеимоновский монастырь на Афоне в первые годы после окончания Первой мировой войны (1919–1924)

Статья посвящена тяжелому и в значительной степени переломному периоду в истории русского Свято-Пантелеимоновского монастыря (Руссика) — одной из 20 главных обителей Святой Горы Афон — 1919–1924 гг., когда время расцвета и бурного развития монастыря сменилось его кризисом и постепенным угасанием, поставившим под угрозу само существование обители. В 2016 г. будет отмечаться тысячелетие русского присутствия на Афоне. В этой связи интерес историков и широкой общественности привлекают разные периоды его истории, из которых 1919–1924 гг. являются наименее изученными. Лишь недавно были систематизированы для научного изучения документы архива

Свято-Пантелеимоновского монастыря, которые и стали главной источниковой базой при написании статьи.

После Октябрьской революции и начавшейся в 1918 г. в России Гражданской войны русское афонское монашество оказалось отрезано от родины. При этом значительная часть оставшихся после начала Первой мировой войны и революционных событий в России афонских монахов подверглась репрессиям. В начале 1920-х гг. Свято-Пантелеимоновский монастырь лишился всех своих подворий и другой недвижимости в России, в частности московское, одесское, ростовское, таганрогское и петроградское подворья были потеряны в 1922–1923 гг. из-за их закрытия или захвата обновленцами. Испытывая значительные материальные затруднения, обитель была вынуждена продавать церковную утварь, облачения, иконы, хозяйственный инвентарь. Одновременно пришли в упадок монастырские мастерские и промыслы. В 1920 г. из-за отсутствия средств прекратилась типографская деятельность. Были проданы некоторые принадлежавшие Свято-Пантелеимоновской обители суда, а также часть собрания рукописей монастырской библиотеки. Из-за болезней и недостатка продовольствия значительно сократилось число монахов.

Своеобразным рубежом в истории русских обителей Афона стала выработка 10 мая 1924 г. специальной комиссией «Уставной хартии Святой Горы Афонской» (известной как «Новый канонизм»). После того, как братия Руссика отказалась подписать этот документ, ее положение ухудшилось. До середины 1925 г. один из корпусов монастыря занимали греческие солдаты. В конце 1924 — начале 1925 г. русские обители Афона лишились своих метохов (имений) в Греции, реквизированных греческим правительством. Гонения на Московский патриархат не позволяли его руководству уделять должное внимание зарубежным обителям. Однако Русская Православная церковь за границей чем дальше, тем больше начала оказывать поддержку своим соотечественникам на Афоне. В частности, туда неоднократно приезжал Первоиерарх Зарубежной Русской церкви митрополит Антоний (Храповицкий), постепенно усилилось паломничество российских эмигрантов. Это позволило Свято-Пантелеимоновскому монастырю выстоять и даже стало одной из причин его нового духовного подъема в 1930-х гг.

Ключевые слова: Русский Свято-Пантелеимоновский монастырь, Афон, Московский патриархат, Зарубежная Русская церковь.